

Александр Шевцов

НАУКА ДУМАТЬ

Антропология
дурака

Александр Александрович Шевцов
Наука думать.

Антропология дурака
Серия «Наука думать», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73273908
Наука думать. Книга пятая. Антропология дурака:
ISBN 978-5-6053521-7-4*

Аннотация

Книга Александра Шевцова «Антропология дурака» — это философско-психологическое исследование человеческого сознания, основанное на многолетних наблюдениях и анализе поведения людей в повседневной жизни. Автор, используя провокационный и ироничный стиль, раскрывает, как ограниченность восприятия, когнитивные искажения и социальные установки формируют фигуру «дурака» — человека, неспособного к осмыслению своего опыта, развитию и критическому мышлению. Автор не просто осуждает интеллектуальную пассивность, но пытается вскрыть её корни, показать механизмы, по которым она воспроизводится в культуре, образовании и коммуникации.

Цель книги — не разоблачение «других», а исследование каждого из нас, ведь элементы «дурака» живут в любом человеке. Через множество наблюдений, афористичных формулировок

и философских обобщений автор формирует целостную методологию мышления, противопоставляя поверхностности – глубокий анализ, а самообману – честность ума. Эта работа представляет собой продолжение и развитие идей автора, изложенных в «Науке думать» и других его трудах, и служит приглашением к вдумчивой работе над собой как единственно возможному пути освобождения от глупости в широком антропологическом смысле.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Александрович Шевцов Наука думать Книга пятая Антропология дурака

© Шевцов А., 2020-25

© Издательство «Роща», оформление, 2025

Дурак связан с глупостью. Это очевидно для всех, хотя редкий человек может сходу сказать, что такое глупость. Чуть менее очевидно, что дурак связан с разумом, хотя стоит сделать крошечное усилие понимания, и это тоже становится очевидным. Но вот увидеть, что дурак – это и есть разум, его необученная часть, удается не всем.

Как-то так уложено в нашей культуре, что дурак противоположен разуму, он – сама НЕразумность. Но после некоторого исследования становится видно, что на самом деле он противоположен не разуму, а той высокой разумности, которую принято называть умностью.

И опять ловушки очевидностей: ум и разум воспринимаются нами как одно и то же, хотя даже по поговоркам должны бы различаться, иначе как ум за разум заходить может? Нельзя зайти за самого себя. При этом многие понимают, что

ум и разум должны быть именами разных вещей хотя бы потому, что естественный язык, как и природа, лишних трат не любит, и два имени для одного и того же ему не нужны. И хотя люди любят менять естественные имена на модные, все же они только путают.

Но как только мы принимаем, что народ во времена творения своего языка дал разные имена разным частям чего-то в человеке, возникает вопрос: а ум и умность – это одно и то же? И понимаем: ум и разум – разные вещи, а вот умность и разум – нет! Умность – это имя для определенного состояния разума, следовательно, ум и умность – это разные состояния.

У многих вызовет удивление, что умность – это часть разума, а не ума. Но придется принять: дурак и умный – это не люди, это имена для низшей и высшей части разума, для части предельно удаленной от ума и самой близкой к нему...

Эта книга посвящена прикладным вопросам Науки думать. Но чтобы думать, надо иметь развитой и обученный разум. Однако что такое разум и как он работает, хоть как-то известно, но вот о его устройстве мы почти ничего не знаем, предпочитая доверчиво полагаться на то, что это знает наука. Например, философия. Или логика...

В общем, зачем это знать мне, если для этого есть особые, обученные люди?! Нигде в логике нет раздела, посвященного именно устройству разума, но мы все же предпочитаем верить, что логики его от нас просто скрывают. Однако именно

устройство разума определяет наши способности. А способности определяют успешность в жизни и творчестве. Это, в отличие от мудреной логики, должно быть какое-то бытовое знание, простое и полезное!

Понять устройство разума ни философия, ни психология не смогли, быть может, это дело антропологии? Но навскидку можно сказать одно: способности связаны с внутренними силами. Раньше философы и психологи вслед за древними греками говорили о душевных силах, но потом изгнали их из науки. И поскольку теперь ни философия, ни психология не считают силы своим предметом, это означает, что науки об устройстве разума не существует.

Собственно говоря, греки, первыми разрабатывавшие эти вопросы, имели для сил и способностей одно имя – дюнамис. И это только наши переводчики каким-то чудесным образом понимали, когда греческий философ говорит о силе, а когда о способности. До начала XX века понятие «душевные силы» считалось рабочим. Но потом его объявили ненаучным наследием идеализма и выкинули из использования. Объявили же потому, что не смогли понять, а не потому, что доказали их неверность.

Мы же с очевидностью и предельной наглядностью видим, что силы управляются разумом. Достаточно поглядеть на кошку, готовящуюся к прыжку, и вспомнить, как сам собирался перепрыгнуть заборчик, и вы в ощущениях почувствуете, что собирались с силами. Как и тогда, когда собира-

лись поднять тяжесть. Но собираясь с силами, вы разумно изучали условия и уровень сложности задачи, сопоставляя со своими возможностями.

Это делал разум, он выстраивал путь к победе, выверяя потребность в силе и заказывая нужное ее количество. Умный человек не бросается на препятствие очертя голову, то есть перекрыв себе возможность думать. А вот дурак...

А вот дурак обычно не любителю выверять силу, потому что у дураков силы немеряно! И, как говорится, сила есть — ума не надо! Так, может, именно сила позволяет нам понять, что такое дурак и как с ним бороться?

В любом случае, начать стоит с той основы, которая порождает само понятие дурака и описывает его черты и проявления. То есть с народной языковой картины человека.

Часть первая

Языковая картина человека

Последнее время в рамках этнолингвистики мощно развивается направление, называющееся Языковой картиной мира. Корни этого направления языковедения уходят в труды Вильгельма фон Гумбольдта, а само название было введено неогумбольдтианцем Лео Вайсгербером в 30-х годах прошлого века.

В России это направление развивала школа академика Ю. Д. Апресяна, который ввел понятия «наивной картины мира» и «наивной картины человека». Наивность этих картин была условной, и термин должен был лишь подчеркнуть, что эти картины родились в рамках живого языка, а не в кабинетах лингвистов.

Работа над наивной картиной человека началась в России еще в 50-е годы и велась в семантических и семиотических школах, вроде Московско-Тартусского семантического кружка, как попытка соответствовать вызову времени, требующему создать возможность для машинного перевода живого языка.

Машинный перевод разработан не был, но в работах 90-х – начала 2000-х годов последователи Апресяна создали весьма углубленное описание человека по народным представ-

лениям. Конечно, это описание далеко не полно, но работа продолжается. Что можно сказать о народных представлениях?

Русский язык хранит огромное количество следов прежней картины, даже картин мира в представлениях человека. Самой ранней можно считать мифологическую картину. Сначала христианство, а затем наука отменили мифологическую картину мира. А с ней и ту народную антропологию, которая собиралась по крупицам тысячелетия и до сих пор роднит нас с другими индоевропейскими народами.

Впрочем, собиралась ли эта картина в наблюдениях или однажды, во время Оно, была дана человеку готовой, я судить не в силах, несмотря на то, что теория Прогресса и теория Регресса относительно некоего исходного Знания, данного человеку целиком, до сих пор существуют...

В мифологической картине человека неоднократно менялись знаки, и то, что считалось когда-то божественным, становилось профанным, а затем и вовсе падало в самый низ языкового пространства, причисляясь к вульгарной или даже табуированной лексике. Тем не менее это на удивление точный и, главное, действенный в бытовом отношении язык, способный объяснить многие из тех странностей, которые принято обходить молчанием как неудобные вещи.

Тем не менее люди раз за разом налетают на какие-то вопросы, которые из правящей научной картины не объясняются. Это довольно крупные события в жизни, которые спо-

собны перевернуть все мировоззрение человека. Как явление Христа апостолу Павлу заставило того уверовать, так и выход из тела или явление лешего должны бы изменить все. Но это случается не со всеми.

Зато есть много более мелких вещей, случающихся гораздо чаще. К примеру, как объяснить, что человеку во сне или даже наяву вдруг является видение близкого человека, а на следующий день становится известно, что человек умер как раз в это время? Или как объяснить, как мы чувствуем пристальный взгляд спиной? И что за волосы встают дыбом на теле, когда мы чуем дух опасности? Что за странный холодок пробегает по телу перед тем, как ты замечаешь призрак?

Не счесть вопросов в опыте человечества, которые еще ждут своих исследователей! Поэтому я пишу для тех людей, кто действительно хочет понять себя и происходящее с нами. И тут древняя картина человека частенько оказывается более подходящей для понимания. Особенно в отношении таких древних структур сознания, как разум и та его часть, что мы зовем дураком.

Итак, мы не в силах объяснить многие странности русского языка, исходя из научных представлений или здравого смысла. Но стоит подставить в качестве объяснительного принципа народную картину человека, как эти странности сливаются в некий цельный образ, вполне гармонично использующий их все.

Глава 1

Портрет дурака в литературном языке

Языковая картина человека в отношении многих понятий неожиданно раскалывается на две части: приличную и неприличную. Приличная – это та, что рисуется литературным языком, неприличная – просторечьем. В этом делении отражается загадочность русской души, по сути, выражающаяся в скрытых смыслах и мечтах русского человека. Скрытость или сокровенность всегда связана с необходимостью защитить что-то ранимое, но любимое. Иногда душу, чаще – личность. Поэтому литературный язык – это язык одобряемой приличиями лжи, скрывающей то, что просторечье спокойно называет. Разница между ними, как между трезвым и пьяным в поговорке: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Просторечье – это язык пьяного русского человека, у которого есть душа, в отличие от человека трезвого, который имеет личность.

Но можно найти и иной образ, связанный с устремлениями вверх. По вертикали мир русской языковой картины разделен на верх и низ, верх – это благородство, аристократизм, как это принято называть на литературном языке. Низ – подлость и дно. Слово «подлость» происходит от «подле», то

есть обозначает состояние живущего рядом с замком хозяина мира, *подле* него. Но замок – на холме, вверху, а подлый люд, подлецы – внизу, они подонки, поскольку копошатся на дне мира.

Поэтому работает в отношении языка и другая поговорка-загадка: что барин в карман кладет, а мужик на землю бросает? И ведь определенно ощущается, что сказать: «Соплю», – неприлично. Тем более, показать всем, что из тебя вылетела сопля. Поэтому литературный язык призван прятать все сопли в тонкий и изящный платочек, как будто ничего такого в человеке благородном и вовсе нет.

В общем, как в анекдоте про Вовочку, когда учительница объясняет ему правила приличия в речи, объясняя, что такого слова, как «жопа» в русском языке нет. На что он просто-душно восклицает: «Ни фига себе! Жопа есть, а слова нет!»

Вот так, господа! В литературном языке нет русских слов для того, чего не должно быть в нарисованном прекрасном мире полубогов, которыми мечтают стать те, кто правят русским миром. Правда, жопа и все остальное, о чем неприлично говорить, там точно случается... Только говорить об этом надо не на языке простолюдинов, а на языке богов или хотя бы по-английски!

Поэтому исходно примем: в рамках русской языковой картины мира существуют два мира: нижний и горний, который в старину звался Высшим светом. И разговаривать ты должен на языке того мира, к которому хочешь принад-

лежать. Как говорится, собрался выйти в свет – оденься в соответствии с приличиями. Это страстное желание выглядеть богами приводит к тому, что в верхнем мире нет дураков, там есть идиоты, имбецилы, кретины, даже олигофрены есть. Но только не вульгарные дураки, дурни, дурки, дуринды и дуrolомы!

Олигофрен – это, в переводе с греческого на русский, малоумок или недоумок. Именно они ведут озверелые кампании вытравливания матерной речи из русского языка. Но френа у олигофренов по определению маловато, и поэтому они забывают уточнить, что речь идет не обо всем русском языке, а лишь о том языке, который должен использоваться в высшем свете, то есть в верхней части русского мира.

Говорить надо на языке того мира, в котором ты хочешь жить. Но при этом понимать надо весь русский язык, потому что от него все равно не спрятаться. Но еще важнее, что без него просто не описать всего, что требуется. Так и бытовой научный язык, простонаучье, искусственно созданный не для исследований, а для общения в науке, не в силах описать всего, с чем сталкивается наука. И литературный, и научный языки ущербны, когда дело касается человека. Почему?

По той простой причине, что они недотягивают до возможностей живого языка. Живой язык возникает тысячелетия тому назад и все время накапливает имена и описания того, что добывается в наблюдениях миллионами глаз. За

сотни тысяч лет своего разумного существования человек видел так много, что наука в сравнении с ним кажется младенцем.

Поэтому, когда доходит до дела, русский аристократ забывает французский и изъясняется так, чтобы люди его понимали. Точнее, чтобы люди понимали, что надо сделать, как надо сделать, и что не так!

Поясню примером. Вот мы берем слово «олигофрен» в научном исполнении и говорим его как термин двум дебилам, которые пытаются спустить ваш шкаф через окно: «Уважаемые, то, что вы делаете, является ярким проявлением олигофрении!»

Дебилы ставят шкаф на пол, поворачиваются и смотрят с вопросом в глазах.

И вы вынуждены объясняться: «Слово “олигофрен” состоит из двух греческих корней: олиго – означает малый, а френ, френес – ум или разум...»

– Ты дурак? – спрашивают тебя дебилы.

Но вот вместо того, чтобы использовать этот термин просто научно, ты превращаешь его в бранное слово и произносишь так, что оно узнается как бранное. Всего лишь звучишь так, будто выматерился:

– Олигофрены!

– Чего не так? – смущенно принимаются чесать в затылках дебилы, словно они поняли главное и теперь уточняют детали.

– По размерам же не проходит!

– О, точно! Надо было померять! – тут же сообщает один другому.

– Так что, тащить по лестнице?

– Тащите по лестнице! – принимаешь решение ты.

Дебилы вздыхают, смиряются с судьбой и волокут шкаф по лестнице. А ты видишь по их задумчивым глазам, что счастье было совсем рядом...

В литературном языке антропология дурака давно переведена на латынь, греческий и английский, поскольку даже само слово «дурак» неприлично в Высшем свете, где используется литературный вариант русского языка. Там дураков не может быть по определению, точнее, по исходной задумке: это мир света, разума и умных людей.

Но в высшем мире и действуют, как предполагали и Упанишады, и Платон, силой созерцания. Боги творят созерцая! А вот в нижнем мире действовать приходится руками и ногами. А значит, и объяснять надо так, как это здесь сработает.

Настоящее слово должно быть действенным, поэтому ты его произносишь так, чтобы оно оказывало воздействие. Так, «олигофрен» в научном обиходе будет состоять из двух греческих корней, которые никто не понимает, даже ученые, поскольку, забыв исходные значения, долгие века предполагали, что фрэнес – это диафрагма, блона по-русски, грудобрюшная преграда, небольшая мышца. А мышца для дума-

ния не приспособлена, и потому непонятно, как она может означать ум в олигофрене.

Но вот для простого русского языка эти языковые тонкости совершенно неважны. Достаточно придать любому буквосочетанию значение бранное, и – о, чудо! – все становится понятным. Олигофреном ты обзовешь дурака, дебилом или микроцефалом, русский человек сразу поймет, что его называли дураком, потому что он делает глупость, знает это про себя и слышит это в твоём звучании!

Собственно говоря, чтобы выбраться, вовсе даже не обязательно произнести какое-то слово, можно просто прорычать его, и дурак тут же остановится. И задумается или задаст вопрос: «Что не так?» Правильно озвученный «дурак» понуждает разум работать. А простонаучье, то есть использование иноязычных терминов, – усыпляет его.

Именно это делает литературный язык с небожителями: он погружает их в дремотные состояния, понуждая вместо созерцания грезить о красивой жизни. И поэтому война с бранью, которую ведут некоторые стражи покоя высшего света, – это битва привратника за то, чтобы холопы своими криками не будили барина, который отдыхает-с после обеда...

Мы не можем обойтись без понятия дурака, на каком бы языке мы ни говорили, потому что оно обозначает определенный уровень развития разума. Это слово – один из терминов в народной науке думать, описывающий устройство

разума. Но в литературном языке это понятие обретает приличные черты. И мы не можем говорить о языковой картине дурака, мы вынуждены говорить о его парадном портрете, потому что портрет уместно повесить в гостиной прилично-го человека.

Однако суть от этого не изменится, как не изменится и потребность оказать воздействие на человека, у которого не хватает мозгов для дела.

Глава 2

Дурак толковый

Как мы уже поняли, у такого явления, как дурак, не одна грань. Очевидно, что понятие это рождается в очень глубокой древности, а точнее, прямо вместе с появлением человека разумного. Сама по себе разумность предполагает и наличие разума, и наличие разных его частей, то есть устройства разума. А значит, и потребность в именах для этих частей разума.

Одна из частей разума – это разум начинающий или неразвитый, как у ребенка. Поэтому мы можем использовать для его обозначения то остроумное переименование понятия гомо сапиенс, что родилось в прошлом веке – гомо не очень сапиенс, то есть человек не очень разумный.

Соответственно, даже навскидку мы можем выделить три части этого явления: дурак литературного языка, дурак языковой картины человека и дурак психологический или даже психиатрический, как действительное состояние недоразвитости разума, олигофрения.

Дурак толковый – это не сообразительный или умный дурак, а дурак толковых словарей, то есть, в сущности, дурак литературного языка, потому что толковые словари – это не просто словари русского языка, хранящие русский язык, а энциклопедии, описания мира, растолковывающие народу,

как надо правильно понимать то или иное явление в рамках общего мировоззрения. В этом отношении они продолжение энциклопедических словарей, то есть словарей, пытающихся вложить в сознание читателей желательный образ мира.

Слово «энциклопедия» появляется в новой латыни лишь в XV веке, слив в одно слово два греческих – энциклио и пайдея (ἐγκύκλιος παιδεία), означавших у греков общее образование, то есть некий круг знаний и умений, которыми обязан был владеть образованный грек. В итоге энциклопедии оказались не просто словарями, хранящими слова и их значения, а описаниями всего круга земного, обучающими видеть мир так, как нужно его создателям.

Благодаря словарям и энциклопедиям мир из физического становится виртуальным, то есть заменяется описанием мира. А поскольку описание можно сделать любое, бумага все стерпит, становятся возможны фабрики грез и информационно-психологические войны, подменяющие целым народам образ мира.

Токовые словари обучают тому, как правильно понимать русский язык, а про то, что не подходит для литературного использования, они пишут: устаревшее или грубое. Слово это означает, что народный язык называл нечто так, как не нужно называть тому, кто хочет жить в верхней части мира, в его высшем свете. Принимая словарное значение, мы делаем свой выбор.

Поэтому начнем с того, что думают про дурака самые

поздние из толковых словарей, и понемножку спустимся до самых ранних. К примеру, начну с «Самого новейшего толкового словаря русского языка ХХI века» Е. Шагаловой.

В нем между Дубль-степ и Дьюти-фри пусто место для дурака, но дурака нет вовсе! В русском языке ХХI века дурака не существует...

Возьмем более традиционный словарь Т. Ефремовой 2000 года. Он сразу предупреждает, что грубая и ненормативная лексика не включена. Дурак же определяется просто:

1. Глупый, несообразительный человек // Употребляется как бранное слово.

2. Устаревшее. Придворный или домашний шут. (Новый словарь русского языка).

Словарь А. Евгеньевой 1985 года гораздо интереснее. В нем совмещается толковое объяснение дурака с литературным описанием:

«Дурак – глупый, тупой человек. Булычев: Значит – глупый ты? Трубоч: Да нет, я не дурак. Максим Горький. Егор Булычев... – Вот уж истинно, дурака учить, что мертвого лечить. Ты ему свое, а он тебе свое. Костылев. Иван Грозный. // Употребляется как бранное слово. – Эй, Захар, где ты там, старый дурак? Давай скорее одеваться барину! – Гончаров. Обломов». (Словарь русского языка).

Очевидно, что в этих словарях дурак определяется через глупость, а также сообразительность и тупость. Искать, что это такое, в словарях бесполезно, они заикливаются и опре-

деляют дурака через глупость, а глупость через дурака. По-просту говоря, не понимают, что говорят. И это не вина словарей или лингвистов. Пониманием их должны были снабдить те, от кого оно зависит. Чтобы лингвист объяснил, что такое атом, ему это объяснение должен дать физик. А чтобы он объяснил глупость или тупость, это объяснение должны были предоставить либо философы, либо психологи...

Поэтому пока сохраним чертами языковой картины дурака, что он глуп, несообразителен, туп, и его бесполезно учить, потому что ты ему свое, а он тебе свое. У дураков всегда есть мнение даже о том, чего они не знают и не понимают.

Словарь Ожегова и Шведовой в отношении дурака прост: *«глупый человек, глупец»*.

Словарь «Современного русского литературного языка» в 1954 году наоборот очень обилен литературными примерами. Хотя исходное его определение так же просто:

«Дурак – глупый, тупой человек. Обычно в просторечии. И было у него ровно в сказке три сына, только дурака ни одного. Все ребята ладные да разумные. Бажов».

Бажов с очевидностью связывает дурака с разумом, но как противоположности – разумность исключает дурака. Это общелитературное представление.

Крылов же в следующем литературном примере сопоставляет дурака с умным:

«Пока был умный жрец,

кумир не путал врак,

А как засел в него дурак,

То идол стал болван-болваном. Крылов, Оракул».

В этом образе из басни дедушки Крылова есть одна важная деталь: некая среда – пустой идол, в который садились жрецы, чтобы вещать, – соединяет дурака и умного. Именно так делает и разум, он может совмещать в себе и то, и другое, как будто оба состояния – дурака и умного – существуют за его пределами и лишь проникают в него каждый со своего конца.

Ну и последний толковый словарь – Д. Ушакова – очень показателен: в издании 1935 года он дурака знает, а в издании 2013 года дурак из него пропадает.

В 1935 году дурак по Ушакову – это просто глупый человек. Слово считается бранным. Что такое «бранный», словарь, естественно, не знает. Точнее, он считает его производным от «брань», а брань определяет как «ругательство, сквернословие». И вводит отдельным, особым словом, а не вторым значением того же слова, брань как войну. Допустить, что бранные слова – это слова войны, боя, он не смог.

А поэтому можно считать, что, называя слово «дурак» бранным, лингвист высказывает мнение, а не высказывает знание: есть мнение, что брань – это сквернословие, а потому должно быть изгнано из литературного языка. Ибо сквернословие – это некрасивые, неприличные слова...

Где-то неприличные, а где-то точные, как в бою, и вопрос в том, что они обозначают? Что такого есть в дураке, что неприлично знать людям в приличном обществе?

Глава 3

Дурак литературный

Толковые словари дают определения понятия «дурак» на основании некоей «языковой интуиции» лингвистов, составляющих эти словари или размышляющих о значениях слов. Эти «интуиции» составители словарей снабжают языковыми примерами из литературных произведений. Предполагается, что примеры подтверждают и раскрывают «интуиции» лингвистов.

Я уже показывал, что это вовсе не обязательно, а случается и так, что примеры из литературных произведений просто противоречат определениям лингвистов. Поэтому я перевожу слово «интуиции» как «придумывание» на основе языкового чутья. Иными словами, определения эти не выводятся путем строгого рассуждения из жизни языка, а берутся лингвистом из его жизни, то есть из его личного языкового опыта. А опыт – вещь навязчивая и ненаучная.

Действительное исследование, на мой взгляд, ведут лишь составители этимологических словарей. Они работают с письменными источниками, хранящими чаще всего уже умершее состояние языка. Поэтому у этимологов нет личной языковой жизни в этом состоянии языка, и они оказываются способны к отвлечению от своих ощущений и к строгому рассуждению.

Что же касается литературного портрета дурака, то проще всего его создать на основе тех выдержек из литературных произведений, что трудолюбиво собирают создатели толковых словарей. Начну с очень богатого «Словаря современного русского литературного языка», естественно, со словарной статьи «Дурак».

Определением этого словаря – «глупый, тупой человек» – можно пренебречь, поскольку оно предполагает, что мы сами знаем, что такое глупый и что такое тупой. Как можно пренебречь и большей частью примеров: они просто используют слово «дурак», не давая никакой возможности понять, что это значит. Другая часть примеров вовсе не литературная, а народная, как поговорка: дурака учить, что мертвого лечить. То, что эту поговорку использовал автор литературного произведения, не значит, что это его понимание.

Но есть и полезное. Например, любопытное высказывание взято из письма Герцена: *«Наташа, есть люди, которые никогда не любили; это дурные люди или дураки, которым глупость загородила душу от всех чувств»*. Герцен, конечно, не психолог или философ, он в этом случае поэт, чувствующий тростник, шумит тем, что сквозь него течет. Но что-то в этом его шуршании есть.

Во-первых, сопоставление дурака с дурным человеком. Дурной – это плохой, вредный человек. Можно ли считать, что дурак – человек дурной, в смысле злонамеренности? Вероятно, настоящий дурак именно вредоносным и проявля-

ется в жизни.

Вторая мысль о том, что глупость способна «загораживать» душу от чувств. Герцен имеет в виду, что глупость не выпускает чувства в душу, встает препятствием на их пути. Но для того чтобы что-то не пропускать, глупость дурака должна быть в связи с душой и находиться прямо на поверхности души, как короста. И мы понимаем, что глупость и сам дурак – это состояния разума. Значит, речь идет именно о разуме, о его расположении ближе к душе, чем расположены чувства.

Верно ли это наблюдение? По общим представлениям чувства не входят в душу, а выходят из нее, поскольку живут в душе. Следовательно, речь в примере не о чувствах дурака, а о способности понимать чувства других. Но даже при таком взгляде разум может перекрыть движение чувств, если он стоит на их пути. Однако, похоже, речь идет не о том, как текут чувства, а о том, чтобы их не было. То есть о способности глупости или недоразвитого разума не давать чувствам зарождаться в душе.

Это заслуживает особого исследования.

Другой пример из Гоголя: *«А ее сын только дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу»*.

В этом случае дурак определяется по способности уметь. Обучение человека идет от обретения знаний к их использованию, то есть к умению и доведению умений до навыков и мастерства. Неясно, этот дурак не обладает знаниями, или он что-то знает, но умеет лишь поднимать ногу, словно дрес-

сированная собачка. Но сравнение с животным здесь явно присутствует, раскрывая определение «набитый».

Само это определение много исследовалось. И предполагалось то, что дурака бьют за глупость, то, что речь о кукле, изображающей человека, а потому глупой. Но, похоже, что независимо от происхождения самого выражения, мы имеем в данном случае сравнение разума человека с разумом животных, а далее и растений, к примеру, с овощем.

Еще одна черта литературного дурака может быть почерпнута из «Василия Теркина»:

«В первые минуты не мог ничего ей сказать подходящего, дурак дураком сидел, даже пот выступил на лбу».

Вряд ли пот выступил из-за состояния дурака, скорее, из-за усилия, которое совершал, чтобы найти слова, но вот то, что сказать не мог ничего подходящего, а значит, придумать не мог, что сказать, это точно видится чертами дурака. Точнее, дает ощущение себя дураком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.